

Е. Д. ТРУХАН*

**А. И. ИСАЕВ КАК ПРОТОТИП С. З. МАРМЕЛАДОВА
(«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Аннотация: В статье производится сравнительный анализ второстепенного персонажа и его прототипа: Семена Захаровича Мармеладова из романа «Преступление и наказание» и сибирского друга Ф. М. Достоевского Александра Ивановича Исаева (1822–1855). На примере С. З. Мармеладова рассматриваются особенности построения художественного образа, созданного Достоевским на основе прототипа. Материалом для исследования стали предварительные наброски романа «Преступление и наказание», его окончательная редакция и отчасти — архивные документы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. И. Исаев, образ С. З. Мармеладова, прототип, роман «Преступление и наказание», особенности построения персонажа, образ К. И. Мармеладовой.

E. D. TRUKHAN

**A. I. ISAEV AS A PROTOTYPE OF S. Z. MARMELADOV
(“CRIME AND PUNISHMENT”)**

Abstract: The article makes a comparative analysis of a minor character and his prototype: Semyon Zakharovich Marmeladov from the novel “Crime and Punishment” and F. M. Dostoevsky’s Siberian friend Alexander Ivanovich Isaev (1822–1855). On the example of S. Z. Marmeladov, the features of constructing an artistic image created by Dostoevsky based on a prototype are considered. The preliminary sketches of the novel “Crime and Punishment”, its final edition and partly archival documents became the material for the study.

Key words: F. M. Dostoevsky, A. I. Isaev, the image of S. Z. Marmeladov, prototype, the novel “Crime and Punishment”, features of character building of the character, the image of K. I. Marmeladova.

* Елена Дмитриевна Трухан, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (Новокузнецк); Elena Dmitrievna Trukhan, Deputy Director for Scientific Work at Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky (Novokuznetsk). dostoevski.nvkz@mail.ru

Вопрос о прототипах в художественном мире Ф. М. Достоевского встал с момента появления первого произведения писателя. Актуальность этой проблемы в отечественном достоевковедении не снижается и сегодня¹. Прототипам персонажей «Преступления и наказания» посвящено небольшое количество работ, но их авторы, по выражению К. А. Степаняна, в полной мере осознают, что «связь биографии <Достоевского> с глубинным смыслом его произведений очень сильна, и если не принимать во внимание эту связь, наше понимание этих произведений может быть неполным или даже неверным»². Так, Б. Н. Тихомиров³ исследует образ Аркадия Ивановича Свидригайлова и проверяет гипотезу, был ли заключенный Омского острога Павел Аристов его прототипом? Т. Н. Никитин⁴ представляет прозаика М. Е. Салтыкова-Щедрина в качестве прототипа Андрея Семеновича Лебезятникова. В. А. Викторович⁵ проводит параллели между братом писателя М. М. Достоевским, ставшим литературным прототипом Разумихина. В. Е. Ветловская⁶ обращается к образу следователя Порфирия Петровича и видит его прототип в знаменитом каторжнике, а позднее — начальнике Парижской тайной полиции, Франсуа-Эжене Видоке, авторе скандально известных «Записок...» о своей жизни. К. А. Баршт рассматривает публициста и критика В. П. Буренина как прототип Родиона Раскольникова⁷. В. А. Торопова⁸ выявляет сходства и различия между

¹ Например, в круг прототипов персонажей романа «Идиот» входят доктор Ф. И. Гааз, граф Г. А. Кушелев-Безбородко, племянник писателя А. П. Карепин, В. Ф. Одоевский, Н. П. Огарев, Д. А. Валуев (*Батталова А. Н.* Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.; *Мякинченко М. А.* А. П. Карепин — племянник Ф. М. Достоевского и герой его романов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 156–160; *Борисова В. В.* Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. 500 лет роду Достоевского: межвузовский сборник научных трудов. М. — Иркутск, 2008. Вып. 18. С. 227–248).

² *Степанян К. А.* Биография автора как источник комментария к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119.

³ *Тихомиров Б. Н.* Был ли заключенный Омского острога Павел Аристов прототипом Аркадия Ивановича Свидригайлова? // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4, № 4. С. 48–56.

⁴ *Никитин Т. Н.* М. Н. Катков как возможный прототип Старвогина // Достоевский и современность. 2016. Т. 30, № 30. С. 119–131; *Никитин Т. Н.* К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 19. СПб., 2010. С. 169–181.

⁵ *Викторович В. А.* «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 41–55.

⁶ *Ветловская В. Е.* Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 194–205.

⁷ *Баршт К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 73–86.

⁸ *Торопова В. А.* Семья Мармеладовых и личная жизнь Достоевского (из опыта изучения и преподавания русской литературы в школе) // Проблемы Марийской и сравнительной филологии: сборник трудов конференции. Йошкар-Ола, 2018. С. 376–379.

семьями Мармеладовых и Исаевых. Существенный вклад в развитие этой темы был сделан Р.Г. Назировым в работах «О прототипах некоторых персонажей Достоевского» и «Творческие принципы Ф.М. Достоевского»⁹.

О Семене Захаровиче Мармеладове, персонаже романа «Преступление и наказание», существуют наблюдения общего характера: о том, что он создавался Ф. М. Достоевским на основе реального прототипа — Александра Ивановича Исаева (1822–1855), дворянина, сибирского друга писателя, первого мужа Марии Дмитриевны Констант-Исаевой-Достоевской (1824–1864). Например, Н. Н. Наседкин в энциклопедии «Достоевский», завершая словарные статьи «Мармеладов Семен Захарович» и «Исаев Александр Иванович», замечает: «Мармеладов, судя по всему, должен был стать одним из главных героев неосуществленного замысла “Пьяньки” (1864). <...> Прототипами его в какой-то мере послужили литератор П. Н. Горский и А. И. Исаев»¹⁰; «Вероятно, Достоевский вспоминал Исаева, создавая образы своих героев-пьяниц с “амбицией” вроде Мармеладова»¹¹. Точка зрения Н. Н. Наседкина совпадает с позицией С. В. Белова: «Исаев послужил прототипом благородного “пьянького” Мармеладова в “Преступлении и наказании”»¹². Л. П. Гроссман отмечает, что контрасты природы А. И. Исаева заинтересовали писателя и послужили ему основой для создания образа Мармеладова¹³. Французский писатель Анри Труайя по-своему определяет сходство прототипа и литературного образа: «...несомненно также, что он <Достоевский> чуял в нем <Исаеве> великолепную дичь для будущих романов. Этот плаксивый пьянчужка, часами разглагольствовавший об уделе человека, о познании Христа, о добре и зле, о культуре и варварстве, всплывет в его памяти, когда он будет создавать незабываемую фигуру Мармеладова в “Преступлении и наказании” <...> И как Мармеладов приводит к себе студента Раскольников, так Исаев представляет своей жене Достоевского»¹⁴. Ряд сходный черт в жизни семей Исаевых и Мармеладовых обнаруживает Л. И. Сараскина¹⁵.

⁹ Назиров Р.Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. СПб., 1974. С. 202–219; Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского / под ред. проф. Л. Г. Барага. Саратов, 1982. 160 с.; Назиров Р.Г. Неизданные труды о романе «Преступление и наказание». Уфа, 2017. 120 с.

¹⁰ Наседкин Н. Н. Достоевский: энциклопедия. М., 2008. 2-е изд. (Сер. «Энциклопедия великих писателей»). С. 330.

¹¹ Там же. С. 605.

¹² Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб., 2001. Т. 1. С. 346.

¹³ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1965. 2-е изд., испр. и доп. (Сер. «Жизнь замечательных людей»). С. 182.

¹⁴ Труайя А. Федор Достоевский. СПб., 2015. (Сер. «Великие россияне»; вып. 4). С. 152.

¹⁵ «Несомненно, Марии Дмитриевне было что вспомнить о своей молодости в родительском доме, о фортепьяно с оркестром на выпускном вечере, о любимом отце. <...>

Таким образом, в паре «Исаев — Мармеладов» исследователи выделяют следующие черты: пьянство, алкоголизм; амбициозность; социальные контрасты натуры («Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден» (28, 201)); испорченная репутация; литературность характера реального человека-прототипа; склонность к многословию и разглагольствованию; факты семейно-биографического характера. Однако целостного сопоставительного анализа образа С. З. Мармеладова и его прототипа А. И. Исаева сделано не было.

Необходимо установить, в каких аспектах фабульной структуры произведения персонаж вбирает в себя свойства и характерные черты прототипа. Материалом для этого могут послужить подготовительные материалы к роману, его окончательная редакция, письма писателя и архивные документы, а методологической основой может стать мысль Ю. М. Лотмана о том, что «анализ принципов построения художественного текста должен доминировать над проблемой прототипов»¹⁶, а также призыв Р. Г. Назирова к изучению «творческого процесса писателя и внутреннего движения его поэтических форм от замысла к целому»¹⁷.

Впервые Семен Мармеладов упоминается в подготовительных записях к «Преступлению и наказанию», еще создававшемуся в жанре повести под рабочим названием «Пьяненькие», в одном из фрагментов «Prospectus № 2». Достоевский намечает будущего персонажа пока что условно и обобщенно — «пьяница»: «В это время эпизод с пьяницей» (7, 80), «Эпизод с пьяницей на Крестовском» (7, 80). Намеки или прямые указания на Александра Исаева как на прототип в первоначальных вариантах романа отсутствуют. Заметим, что Достоевский связывает с условно-обобщенным персонажем только фрагмент романного повествования, т. е. изначально Мармеладов создавался как эпизодическое действующее лицо, а не как главный герой, что противоречит утверждению Н. Н. Наседкина¹⁸.

Спустя десятилетие о жизни в доме отца и о том, как при выпуске из пансиона она танцевала “па де шаль” “при губернаторе и прочих лицах”, будет вспоминать несчастная Катерина Ивановна Мармеладова. <...> Катерина Ивановна ничуть не преувеличивала: Д. С. Констант (возможный прототип ее папеньки), много раз награжденный чинами и орденами, вышел в отставку с чином действительного статского советника, дававшим право на должность директора департамента или губернатора. <...> Быть может, сердце Марии Дмитриевны в ее первой молодости и в самом деле принадлежало “другому”, а именно Исаеву, и папенька в этом случае тоже “ужасно сердился”, ибо упускался некий приезжий жених, “князь Щегольской”, тогда как местный был подозрительно ненадежен? <...> Все труднее было маскировать бедность, почти невозможно скрывать от чужих глаз пьяные выходы мужа — общество Семипалатинска отвернулось от Исаевых. “За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было”» (*Сараскина Л. И. Достоевский. М., 2011. (Сер. «Жизнь замечательных людей»;* вып. 1320). С. 287–288).

¹⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л., 1983. С. 24.

¹⁷ Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. С. 88.

¹⁸ Наседкин Н. Н. Достоевский. С. 330.

Формирование художественного образа Мармеладова начинается в следующем фрагменте «Prospectus №2» с определения общими штрихами некоторых важных моментов его жизни и отличительных свойств характера: «(Эпизод с пьяницей на Крестовском, разве у меня сердце не болит, разве не болит. О жене. Как он ее уважает, и кто она. “Надо в Неву, а я, подлец, живу”. Довел его до квартиры. Дал ему денег из кошелька. И потом донес под камень в кошелёк). <...> “Дочь по желтому паспорту моя ходит”. К дочери пошел. <...> В это время эпизод с пьяницей» (7, 80). Таким образом, в первых вариациях романа у будущего персонажа «Преступления и наказания» еще нет фамилии и имени, но он обозначен топографически, преисполнен желания броситься в Неву в силу тяжелых жизненных обстоятельств и переживания вины за совершенные им поступки. Такие особенности никак не связывают прототип и персонажа, однако видно, что последний имеет и другие особенности: задумывается автором как личность семейная, склонная к алкоголизму и разглагольствованию в пьяном виде. На первый взгляд может показаться, что появление этих двух качеств у безымянного персонажа уже дает нам право говорить о сходных с А. И. Исаевым чертах характера. Но это не совсем так.

Несмотря на то что алкоголизм Александра Ивановича многие исследователи¹⁹ определяют чуть ли не как доминантную прототипическую черту в структуре его характера, с этим невозможно безоговорочно согласиться. Об этой вредной привычке своего сибирского друга Ф. М. Достоевский нигде не упоминал, в письмах кузнецкого периода об этом нет ни слова. О пьяных выходках А. И. Исаева — «неисправимого алкоголика с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости»²⁰ — сообщают в мемуарах только современники писателя²¹, почти или вовсе не знавшие его, а также краеведы и биографы более позднего времени²². Более того, архивный документ — аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева от 27 сентября 1853 г. свидетельствует, что чиновник с 8 августа 1840 г., с момента

¹⁹ *Наседкин Н. Н.* Достоевский. С. 605; *Сараскина Л. И.* Достоевский. С. 285–288; *Волгин И. Л.* Родные и близкие // Волгин И. Л. Хроника рода Достоевских. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М., 2013. С. 1042–1064; *Труайя А.* Федор Достоевский. С. 151–152, 156, 157, 160, 166.

²⁰ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 309.

²¹ *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1857 // Две любви Ф. М. Достоевского. СПб., 1992. С. 51, 53, 60; *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров». С. 309–310.

²² См. об этом подробнее: *Трухан Е. Д.* «Может быть, я только один из здешних и умел ценить его»: А. И. Исаев в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского // Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов: монография. Новокузнецк — Красноярск, 2021. С. 70–79; *Трухан Е. Д.* А. И. Исаев в мемуарно-автобиографической прозе современников Ф. М. Достоевского и краеведческих исследованиях начала XX века // Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов. С. 179–193.

поступления на службу в Кавказский линейный батальон № 11 и вплоть до увольнения благополучно продвигался по карьерной лестнице. Уволен же он был с достойной должности не за алкоголизм, а по болезни: «Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству в 28 день июля 1853 года, уволен от службы по болезни»²³. Ввиду важности документа приводим его текст полностью:

АТТЕСТАТ

Дан сей служившему чиновником особых поручений при Начальнике Сибирского таможенного округа, Коллежскому Секретарю Александру Иванову Исаеву, в том, что он, как из формулярного о службе его списка видно, от роду 31 года, вероисповедания православного, происходит из дворян, за ним, за родителями его и за женою, родового или благоприобретенного имения нет. В службу вступил в Кавказский линейный № 11 батальон (этот батальон переименован в батальон № 12, 1840 г. Августа 8-го, а потом в Астраханский гарнизонный батальон 1841 г. Апреля 10 дня) Унтер-офицером с выслугою 3-х месяцев за рядового 1839 г. Апреля 16-го. Произведен в подпрапорщики 1839 г. Июля 13-го, произведен в Портупей-прапорщики 1839 г. Октября 6-го, произведен в прапорщики с переводом в Симбирский Внутренний Гарнизонный батальон 1841 г. Ноября 10-го, переведен в отдельную роту Астраханского Центрального Карантина 1841 г. Ноября 17-го, назначен ротным адъютантом 1842 г. Марта 26-го. Определен исправляющим должность казначея в той же роте 1846 г. Февраля 5-го, определен Чиновником Особых Поручений при комитете, учрежденном в Астрахани по перевозке казенного провианта 1846 г. Марта 28-го, Правительствующим Сенатом переименован из прапорщиков в Коллежские Регистраторы 1846-го г. Июня 17-го. Произведен в Губернские Секретари со старшинством с 1847 г. Мая 28-го. В 1846, 1847, 1848 и 1849 годах, с открытия и до закрытия навигации, находился на взморье за Бирючьею косою для наблюдения за успешным отправлением казенного провианта на Серебряковскую пристань и <к> Дагестанским портам; переведен Чиновником Особых Поручений к Начальнику Астраханского Таможенного Округа 1849 г. Декабря 18-го; перемещен Чиновником Особых Поручений при Начальнике Сибирского Таможенного Округа 1851 г. Февраля 13-го; Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству в 7-й день Августа 1852 г., произведен в Коллежские Секретари со старшинством с 1851-го г. Мая 28-го. В походах, в штрафах и под судом не был; Аттестовался способным и достойным. В отставке и отпусках не был, женат на Марье Дмитриевой; имеет сына Павла, родившегося 10 ноября 1847 года;

²³ Аттестат коллежского секретаря А.И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 22 об.

жена и сын православного исповедания. Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству в 28-й день Июля 1853 г., уволен от службы по болезни. Во удостоверение всего вышеизложенного дан сей Аттестат за подписью моей и с приложением герба моего печати Сентября двадцать седьмого дня тысяча восемьсот пятьдесят третьего года. Г. Семипалатинск Томской Губернии. Начальник Сибирского Таможенного Округа Статский Советник и кавалер (подпись И. А. Армстронга)²⁴.

Таким образом, причины утраты служебного места у отставных чиновников Исаева и Мармеладова существенно различаются. Некогда успешный государственный служащий А.И. Исаев вынужден был оставить место по состоянию здоровья, а С.З. Мармеладов покидает службу из-за слабоволия и хронического алкоголизма: «Это был пьяница запоем, которому нужно было рюмку или две, чтобы все в нем опять разболталось» (7, 101).

При этом процесс появления «питейного» в биографиях Исаева и Мармеладова роднит их. В исповедальном монологе Семена Захаровича о бедности и нищете, который начинает складываться уже в первой редакции романа, подчеркивается, что не алкоголизм, а именно нищета является первопричиной погружения его и его семейства на социальное дно, алкоголизм — лишь следствие: «...в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда питейное!» (6, 13) Подобного рода причинно-следственные связи Достоевский обнаруживал в биографии Александра Исаева: «Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу, они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загубелая. <...> Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно» (28₁, 201). Алкоголизм для литературного персонажа и, скорее всего, его прототипа — это результат ухода со службы и невозможности найти новое служебное место, тяжелое переживание своего трагического положения.

Очевидно, склонность к алкоголизму как отдельный аспект жизни Александра Исаева не была особенно интересна писателю. Признаком этого может служить отказ Достоевского от первоначального замысла «Пьяненьких» и от самого названия произведения. «Питейное» в структуре художественного образа Мармеладова понималось писателем прежде всего как одно из типических свойств социального колорита Петербурга середины XIX в. (не будем забывать, что в Столярном переулке, где в период написания «Преступления и наказания» жил Достоевский, располагались 18 питейных заведений

²⁴ Аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева. Л. 22 — 22 об.

на 16 домов²⁵). Поэтому алкоголизм С.З. Мармеладова следует воспринимать не столько как прототипическую черту, унаследованную от А.И. Исаева, сколько как особенность типическую, общественную. Не стоит отрицать, что алкоголизм Исаева и Мармеладова являлся для социума той мишурой, за которой скрывалась настоящая суть их личностей, их неразгаданные тайны.

Как отмечалось, в ранних редакциях «Преступления и наказания» упоминаются жена и дочь Мармеладова. Раскрытие характера персонажа изначально мыслилось Достоевским в бытовом контексте. Более того, анализ образа Катерины Ивановны, супруги Мармеладова, указывает на усиление прототипической составляющей в тексте романа. Достоевский, видимо, намеренно создает на основе прототипов не одного персонажа, но двух супругов Мармеладовых. Их взаимодействие обеспечивает целостное и достоверное художественное решение, и в то же время значительно укрепляет гипотезу об Александре Исаеве как реальном прототипе Семена Мармеладова.

Использованные в формировании образа Катерины Ивановны биографические детали и эпизоды жизни М.Д. Исаевой представляют особенности «перевода» Достоевским реальной жизни в ткань художественного повествования. Некоторые из них уже были выявлены исследователями²⁶ романа. Мы же оставим только новые замечания.

²⁵ «В двух шагах от Сенной находился печально известный в городе Столярный переулок. В газете “Петербургский листок” в 1865 году под ироническим заглавием “Отрадная петербургская статистическая заметка” о нем сообщались такие сведения: “В Столярном переулке находится шестнадцать домов (по восемь с каждой стороны). В этих шестнадцати домах помещается восемнадцать питейных заведений, так что желающие насладиться подкрепляющей и увеселяющей влагой, придя в Столярный переулок, не имеют даже никакой необходимости смотреть на вывески: входи себе в любой дом, даже на любое крыльцо, — везде найдешь вино”» (*Саруханян Е. П.* Достоевский в Петербурге. Л., 1972. С. 169).

²⁶ Например, Н.И. Левченко, изучая архивы, подтвердила, что художественные детали романа «Преступление и наказание» (исполнение при губернаторе танца с шалью, золотая медаль, похвальный лист) имеют вполне реальную основу и связаны с семьей М.Д. Исаевой-Констант: «...старшая дочь Мария воспитывалась в Таганрогском пансионе, который окончила с похвальным листом». А ее младшие сестры, «три дочери <Д.С. Константа>, окончили успешно Астраханский институт благородных девиц». В 1841 году «Астраханские губернские ведомости» (№29, 19 июля) сообщили об успехах сестер Констант, которые «на выпуске удивили всех игрой на фортепиано под аккомпанемент оркестра и чтением стихов на французском и русском языках» (*Левченко Н. И.* Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 241). Л.И. Сараскина обращает внимание, что М.Д. Исаева (в девичестве Констант) воспитывалась в «культурной дворянской семье со старинными французскими корнями» (*Сараскина Л. И.* Достоевский. С. 287). Эти же черты придает Достоевский своей героине Катерине Ивановне Мармеладовой: «...она прекрасной фамилии» (7, 83); «Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, — особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого, и чувств, облагороженных воспитанием, исполнена» (6, 14); «исполнена врожденного благородства, в богатстве воспитанная» (7, 103); «образованная

Как известно, Катерина Ивановна и Семен Захарович Мармеладовы заключили второй брак, в их семье воспитываются дети от первых браков. Эти обстоятельства не соотносятся с жизнью А. И. Исаева, являясь частью художественного вымысла. Но подчеркнем, что в первом браке Марии Дмитриевне, как и Катерине Ивановне, предстоит стать вдовой²⁷, остаться с малолетними детьми на руках. Будущая художественная реальность «Преступления и наказания» через мотив многодетности то и дело прорывается в эпистолярное описание жизненных обстоятельств М. Д. Исаевой: «Он умер твердо, благословляя жену и детей, и только томясь об их участи» (281, 190); «Что с нею будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку?» (281, 235). Обратим внимание, что многодетность Марии Дмитриевны была вымыслом Достоевского, ведь она родила только одного ребенка — Павла Александровича. Поиски информации о других детях Исаевых, возможно — умерших во младенчестве, но долженствующих быть записанными в 1855–1856 гг. в метрических книгах Одигитриевской церкви или Спасо-Преображенского собора города Кузнецка Томской губернии, в государственных архивах Томской и Новосибирской области не увенчались успехом, гипотеза не нашла документального подтверждения. Но мотив многодетности, зазвучавший затем в полную силу в «Преступлении и наказании», был очень важен для Достоевского-художника: вымысел или художественная условность в итоге преобразились в образ нищего многочисленного семейства, существующего на грани жизни и смерти. Таким образом, многодетность как прототипическая черта, не присущая реальному человеку, в контексте романа обрела новую силу и зазвучала с позиции художественной правды гораздо пронзительней.

Не случайно смерти Исаева и Мармеладова происходят в кругу семьи, в присутствии детей. И персонаж, и его прототип раздавлены судьбой и обстоятельствами. Мармеладов попадает под движущуюся повозку, становится жертвой трагической судьбы. «Раздавленный» — именуется

и фамилии известной, столбовой» (7, 105). О семье Марии Исаевой (Констант) Ф. М. Достоевский сообщает своему брату так: «Ее отец, сын французского эмигранта, m-g de Constant; он старик и занимает значительную должность директора карантин в Астрахани. Состояния не имеет, но живет своим жалованием, очень значительным» (281, 202). И про фамилию не отца, а мужа он пишет подобным образом: «Я знаю, что и фамилия мужа была очень порядочная» (281, 202).

²⁷ На важную деталь, вошедшую в структуру литературного образа, — похороны супруга на чужие деньги — обращали внимание Л. И. Сараскина (*Сараскина Л. И. Достоевский*. С. 295), Л. П. Гроссман (*Гроссман Л. П. Достоевский*. С. 185), А. Труайя (*Труайя А. Федор Достоевский*. С. 160) и другие. Достоевский пишет об этом А. Е. Врангелю: «Похоронили бедно, на чужие деньги (нашлись добрые люди), она же была как без памяти. <...> У нее ничего нет, кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три рубля серебром. “Нужда руку толкала принять, — пишет она, — и приняла... подаяние!”» (281, 190). В «Преступлении и наказании» подаяние на похороны протягивает семье Мармеладовых не «кто-то», а главный герой Родион Раскольников.

его Достоевский (7, 84). О том, каким образом персонаж уйдет в мир иной, писатель определяет уже в первых редакциях романа: «NB. Его задавили лошади, смерть его дома» (7, 84). Исаев же умирает в Кузнецке не от запоя, как до сих пор считали исследователи²⁸, а из-за болезни — чахотки, о чем в Метрической книге Одигитриевской церкви города Кузнецка за 1855 г. была произведена соответствующая запись²⁹. Как видно, причины смерти А. И. Исаева и С. З. Мармеладова существенно разнятся, что не дает нам права назвать этот аспект полностью прототипическим.

Заметим, что Катерину Ивановну Мармеладов часто именуется «дамой». Только так и никак иначе он представляет ее Раскольникову: «...я свинья, а она — дама!» (7, 103), «...если вы видите меня в сем поросычем виде, то знайте, что она — дама. Да, милостивый государь, дама! Дама-с!» (7, 84); «Ну-с, я пусть свинья, а она дама! <...> А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая...» (6, 14); «Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная» (6, 15); «дама горячая и раздраженная» (6, 16). В письмах Ф. М. Достоевский называет М. Д. Исаеву точно так же: «Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна...» (28₁, 201). В своей романной героине писатель сохраняет главные черты характера ее прототипа, замужней женщины высшего дворянского общества — гордость, непреклонность, умение «ходить» (ухаживать) за всеми членами семьи, несмотря на сложные обстоятельства: «Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном» (28₁, 201); «Бедная, она терпит лютую долю! Жить в Кузнецке ужасно. <...> хлопочет о получении вспоможения и живет крохами, которые присылает ей отец, тихо, скромно, кротко, заставив уважать себя весь городишко. Это твердый, сильный характер» (28₁, 243).

Прототипическими становятся в романе и внешние черты литературной героини (лицо, комплекция, рост, цвет волос, манера двигаться, глаза), через которые, как и у М. Д. Исаевой, просвечивает смертельная болезнь: «Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна» (28₁, 201). Словесный портрет К. И. Мармеладовой напоминает известную фотографию первой жены Ф. М. Достоевского в полный рост за несколько лет до ее смерти: «Это была ужасно похудевшая

²⁸ «К этому прибавилась смерть Исаева, скончавшегося 4 августа 1855 г. от запоя» (Герасимов Б. Г. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске: М. Д. Исаева. Военная служба. Друзья и знакомые. Семипалатинск времен Достоевского // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 127).

²⁹ Запись № 22 от 5 августа 1855 г. о смерти Корчемного заседателя коллежского секретаря Александра Ивановича Исаева // Метрическая книга о рождении, браке, смерти из Кузнецкого духовного правления Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви (Кемеровская область). Ч. 3. «Об умерших». 1855 // ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5056. Л. 146 об., 147.

женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, сжав руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и взволнованное лицо, при последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее» (6, 22). Катерина Ивановна, как и Мария Дмитриевна Исаева, постепенно умирает от чахотки: «...она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью <...> с грудью слабою и к чахотке наклонною...» (6, 15); «...кровь, обогрившая мостовую, хлынула из ее груди горлом. — Это я знаю, видал, — бормотал чиновник Раскольникову и Лебезятникову, — это чахотка-с; хлынет этак кровь и задавит...» (6, 332)

Что касается внешней портретной характеристики Семена Мармеладова, то она представлена во второй (пространной) редакции романа, в черновом автографе «Под судом», и включает следующие элементы: лицо, возраст, взгляд, одежда, «приемы и хватки» (7, 99), жесты, «витиватость речи... в необычных монологах» (7, 101). Сравнить это описание с портретом Александра Исаева не представляется возможным, так как его фотографий не сохранилось, а из наиболее полной портретной характеристики его внутреннего облика, который Достоевский описывает в личных посланиях, видно, что литературный персонаж и прототип совпадают по нескольким параметрам: контраст «беспорядочность жизни — благородство», социальное неблагополучие, «множество грязи» (281, 201), незаслуженные преследования в обществе. Стоит также отметить различие в возрасте персонажа и его прототипа к моменту смерти: Исаев умер в 33 года, а Мармеладов — после 50 лет. Причем в процессе создания романа Достоевский постепенно составляет Семена Захаровича: если во второй редакции «это был человек лет сорока пяти» (7, 99), то в окончательном варианте романа ему «уже за пятьдесят» (6, 12).

В окончательной редакции романа попытка заглушить мучительность своего состояния алкоголем и найти сострадание в сердце ближнего выливается у Мармеладова в пространные страдальческие монологи: «И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищущу. Не веселья, а единой скорби ищущу... Пью, ибо сугубо страдать хочу!» (6, 15) Несколько фраз известной исповедальной речи Мармеладова в трактире звучат уже в подготовительных материалах к роману: «Бедность, да, не порок. Бедность ничего, но нищета, милостивый государь, нищета — порок. За нищету в полицию тащут. За нищету вас последняя шельма презирает и право имеет, потому что за нищету я сам себя презираю...» (7, 83) Следует ли признать портретной прототипической чертой склонность персонажа к пространным рассуждениям и разлагольствованию в пьяном

виде — доподлинно утверждать невозможно. Несмотря на свидетельствования А. Е. Врангеля³⁰ и признание³¹ самого Достоевского в том, что он много времени проводил у Исаевых, никаких данных о том, слышал ли он подобные монологи, нет. Витиеватая речь Мармеладова становится не документально, а литературно значимой: с помощью нее писатель очерчивает оскорбительные для человеческой личности жизненные обстоятельства героя, в которых пребывает его семья (нищета, гонения в социуме), во многом повторяя сюжет романа «Бедные люди», главный герой которого, отчаявшись, также ищет забвения в пьянстве³².

В последующих предварительных записях к роману Достоевский проводит более детальную, объемную проработку и уточнение личности персонажа. Эпизодический пьяница обретает новый социальный статус: превращается в «чиновника» (7, 83–86), в «чиновника с бутылкой» (7, 83). Вместе с этим зарождаются и новые элементы текста: эпизод «1-й встречи в распивочной с чиновником» (7, 88), мотив денег, ситуация ментального диалога между персонажами: «Вообще встреча с чиновником его образумливает» (7, 89), сцена встречи пьяного Мармеладова с женой: «Чиновник. Когда его бьют...» (7, 88). Несмотря на то что и литературный персонаж, и реальный человек имели за плечами опыт чиновничьей службы и отставку, они находились на несколько разных ступенях в Табели о рангах. «Прежде он был чиновником особых поручений при таможне, — сообщает Ф. М. Достоевский брату Михаилу об Александре Исаеве. — Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте» (28, 201). Согласно приведенному выше аттестату 1853 г., Александр Исаев покидает службу в чине коллежского секретаря (чин десятого класса по Табели о рангах) и остается таковым вплоть до своей смерти. Семен Мармеладов служит в чине титулярного советника (девятый класс), что фактически то же самое, разница с А. И. Исаевым небольшая. Именно так Мармеладов отрекомендовался Родиону Раскольникову: «...состою титулярным советником. Мармеладов — такая фамилия; титулярный советник» (6, 12). Таким образом, литературный персонаж и его прототип близки по чину и по своему социальному положению; вместе с обретением своего места в социуме они становятся носителями проблем,

³⁰ «Федор Михайлович общался немного более меня, особенно часто он навещал семью Исаевых. Сидел у них по вечерам...», «Достоевский пропадал у Исаевых по целым дням...» (*Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1857 // Две любви Ф. М. Достоевского. СПб., 1992. С. 53).

³¹ Например, в письме Ф. М. Достоевского М. М. Достоевскому от 13–18 января 1856 г.: «Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе!» (28, 201).

³² *Баршт К. А.* «Бедные люди» Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт; отв. ред. И. А. Битюгова. М., 2015. (Литературные памятники). 807 с.

типичных для петербургской реальности середины XIX в., главная из которых — незаслуженное социальное презрение и гонения в обществе, вплоть до крайней ситуации «уже некуда больше идти» (6, 16).

Унижение человеческого достоинства, «испрашивание денег взаимно безнадежно» (7, 14), откровенное общественное презрение — суть различные проявления ситуации «уже некуда больше идти». Такие этапы погружения личности на социальное дно, пройденные А. И. Исаевым и С. З. Мармеладовым, действительно следует признать прототипическими. Эту ключевую жизненную коллизию в подробностях и перипетиях Ф. М. Достоевский изучил в семье Исаевых. Подтверждают это, во-первых, письма Ф. М. Достоевского. О состоянии дел А. И. Исаева, социальном и финансовом положении его семьи в 1855 г., т. е. спустя два года после вынужденной отставки, перед отъездом семейства в Кузнецк, Достоевский сообщает: «Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований³³» (281, 201); «Почти не было куса хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними» (281, 202); «переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унижен» (281, 201); «С ними почти все раззнакомились, частью через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств» (281, 201). В эпистолярном наследии писателя сохраняется стабильно уважительное и дружелюбное отношение к А. И. Исаеву. Во-вторых, фрагментарные сведения о «черной судьбе» Исаева хранят документы Государственного архива Томской области (ГАТО): изучение переписки руководителей Томского губернского управления с подчиненными ему структурами показало, что в работе канцелярии существовали ошибки, повлекшие за собой недоразумения и затягивание сроков назначения Исаева на новую должность³⁴ еще на три месяца. Несмотря на то что точные причины, по которым А. И. Исаев в течение нескольких лет (июль 1853 — май 1855) не был направлен на другую должность, остаются неизвестными, т. е. возможные прототипические черты пока что скрыты, и ни одна из них по силе художественной правды не может сравниться с критической коллизией персонажа и его прототипа — «уже некуда больше идти». Без преувеличения этот аспект является главной прототипической составляющей

³³ «Незаслуженно презираемый человек — эта мысль еще чересчур туманно предвещает князя Мышкина», — пишет Р. Г. Назиров, размышляя о характеросложении и проблеме прототипов у Достоевского (*Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского*. С. 72). Мысль о незаслуженном презрении, которую нес всем своим существованием Александр Исаев, литературно воплотилась не только в Льве Мышкине, но и в Семене Мармеладове, Николае Снегиреве и других...

³⁴ См. подробнее: *Трухан Е. Д.* «Если были в нём недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба»: А. И. Исаев — сибирский друг Достоевского — в документах Государственного архива Томской области // Трухан Е. Д. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов. С. 103–122.

в структуре художественного образа С.З. Мармеладова, ее смысловым ядром. Но если предельная ситуация «уже некуда больше идти», в которую попадают Исаевы, во многом объясняется Достоевским «черной судьбой» (281, 190) главы семейства, то причину бедственного положения Мармеладовых следует искать в социально-политическом укладе России середины XIX в.

Колоритный и запоминающийся художественный образ Мармеладова строился Достоевским на контрасте непривлекательно-бытового и глубоко-интимного внутреннего облика. Р.Г. Назиров указал, что он был сформирован на грани мифа и бытового скандала. Следует согласиться с исследователем в том, что у Достоевского «первоосновой замысла никогда не было живое реальное лицо. Характеросложение было очень важным этапом творческого процесса Достоевского, но отнюдь не первым и не определяющим»³⁵. Это показывают и результаты изучения образа Семена Мармеладова, частично созданного на основе прототипа — Александра Исаева. Такой подход был для Достоевского частью осознанной писательской стратегии, о чем однозначно сообщает введение в ткань повествования второго прототипического персонажа — Катерины Ивановны, супруги Мармеладова. Несмотря на то что писатель вдохновлялся определенной личностью, его метод не предполагал полного сохранения внешности, жизненных ситуаций, состава семьи, бытовых подробностей жизни конкретного человека. Напротив, в горниле творческого процесса детали биографии, события, возраст, внешние данные и др. свободно переплавлялись в пользу решения определенных художественных задач. При выборе тех или иных характеристик литературного героя решающим фактором для Ф.М. Достоевского всегда оставалась не схожесть с прототипом, а художественная правда и целостность образа.

Библиографический список

- Аттестат коллежского секретаря А.И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 22 об.
- Батталова А. Н.* Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
- Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. 456 с.
- Белов С. В.* Ф.М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб., 2001. Т. 1. 573 с.
- Борисова В. В.* Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. 500 лет роду Достоевского: межвузовский сборник научных трудов. М. — Иркутск, 2008. Вып. 18. С. 227–248.

³⁵ Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. С. 71.

- Ветловская В. Е.* Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 194–205.
- Викторович В. А.* «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 41–55.
- Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1857 // Две любви Ф. М. Достоевского. СПб., 1992. С. 31–155.
- Герасимов Б. Г.* Ф. М. Достоевский в Семипалатинске: М. Д. Исаева. Военная служба. Друзья и знакомые. Семипалатинск времен Достоевского // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 124–144.
- Гроссман Л. П.* Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М., 1965. (Сер. «Жизнь замечательных людей»). 608 с.
- Достоевский Ф. М.* Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М., 2015. (Сер. «Литературные памятники»). 807 с.
- Запись № 22 от 5 августа 1855 года о смерти Корчемного заседателя коллежского секретаря Александра Ивановича Исаева // Метрическая книга о рождении, браке, смерти из Кузнецкого духовного правления Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви (Кемеровская область). Ч. 3. «Об умерших». 1855 // ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5056. Л. 146 об. — 147.
- Кибальник С. А.* «Молодая эмиграция» в романе «Идиот» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 164–174.
- Левченко Н. И.* Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 235–246.
- Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л., 1983. 416 с.
- Мякинченко М. А.* А. П. Карепин — племянник Ф. М. Достоевского и герой его романов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 156–160.
- Назирова Р. Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. СПб., 1974. С. 202–219.
- Назирова Р. Г.* Творческие принципы Ф. М. Достоевского / под ред. проф. Л. Г. Барага. Саратов, 1982. 160 с.
- Назирова Р. Г.* Неизданные труды о романе «Преступление и наказание». Уфа, 2017. 120 с.
- Накамура К.* Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / пер. с японского А. Н. Мещерякова. СПб., 2011. 400 с.
- Наседкин Н. Н.* Достоевский: энциклопедия. 2-е изд. М., 2008. (Сер. «Энциклопедия великих писателей»). 800 с.
- Никитин Т. Н.* М. Н. Катков как возможный прототип Ставрогина // Достоевский и современность. 2016. Т. 30, № 30. С. 119–131.
- Никитин Т. Н.* К вопросу о возможном прототипе губернатора фон Лембке в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура. 2009. № 26. С. 186–193.
- Никитин Т. Н.* К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб., 2010. С. 169–181.

- Прототип: словарная статья // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. Стб. 828–829.
- Прототип: словарная статья // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974. С. 299–300.
- Саусу Наохито. Образы двух Тихонов в творчестве Ф. М. Достоевского и русской святой Тихон Задонский // Libri Magistri. 2015. № 1. С. 84–94.
- Сараскина Л. И. Достоевский. М., 2011. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1320). 825 с.
- Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. Л., 1972. 278 с.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 291–311.
- Степанян К. А. Биография автора как источник комментария к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119–142.
- Тихомиров Б. Н. Достоевский и другие // Русская литература. 2003. № 1. С. 254–269.
- Тихомиров Б. Н. Был ли заключенный Омского острога Павел Аристов прототипом Аркадия Ивановича Свидригайлова? // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4, № 4. С. 48–56.
- Торопова В. А. Семья Мармеладовых и личная жизнь Достоевского (из опыта изучения и преподавания русской литературы в школе) // Проблемы Марийской и сравнительной филологии: сборник трудов конференции. Йошкар-Ола, 2018. С. 376–379.
- Труайя А. Федор Достоевский. СПб., 2015. (Сер. «Великие россияне»; вып. 4). 383 с.
- Трухан Е. Д. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов: монография. Новокузнецк — Красноярск, 2021. 220 с.

References

- Attestat kollezhskogo sekretaria A. I. Isaeva. Semipalatinsk, 27 sentiabria 1853 goda [Certificate of Collegiate Secretary A. I. Isaev. Semipalatinsk, September 27, 1853]. *GATO*, f. 3, op. 2, d. 646, l. 22 ob. (In Russ.)
- Battalova A. N. *Obraz kniazia Myshkina v romane F. M. Dostoevskogo “Idiot”*: problema real’no-istoricheskikh prototipov [The image of Prince Myshkin in the novel by F. M. Dostoevsky “The Idiot”: the problem of real-historical prototypes]: thesis dissertation in Philology. Ekaterinburg, 2013. 27 p. (In Russ.)
- Barsht K. A. *Dostoevskii: Etimologiya povestvovaniia* [Dostoevsky: Etymology of Narrative]. Saint Petersburg, 2019. 456 p. (In Russ.)
- Belov S. V. *F. M. Dostoevskii i ego okruzhenie* [F. M. Dostoevsky and his environment]: encyclopedic dictionary, vol. 1. Saint Petersburg, 2001. 573 p. (In Russ.)
- Borisova V. V. Aleksandr Petrovich Karepin kak prototip knyazy Myshkina [Alexander Petrovich Karepin as the prototype of Prince Myshkin]. In: *Tri veka russkoi literatury. Aktual’nye aspekty izucheniia. 500 let rodu Dostoevskogo: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*, iss. 18. Moscow — Irkutsk, 2008. Pp. 227–248. (In Russ.)

- Dostoevskii F. M. *Bednye liudi* [Poor people], prep. K. A. Barsht, resp. ed. I. A. Bitiugova. Moscow, 2015. 807 p. (In Russ.)
- Gerasimov B. G. F. M. Dostoevskii v Semipalatinske: M. D. Isaeva. Voennaia sluzhba. Druz'ia i znakomye. Semipalatinsk vremen Dostoevskogo [F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk: M. D. Isaeva. Military service. Friends and acquaintances. Semipalatinsk in Dostoevsky's time]. *Sibirskie ognii*, 1926, no. 3, pp. 124–144. (In Russ.)
- Grossman L. P. *Dostoevskii*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 1965. 608 p. (Ser. “Zhizn' zamechatel'nykh liudei”). (In Russ.)
- Kibal'nik S. A. “Molodaia emigratsiia” v romane “Idiot” [“Young emigration” in the novel “The Idiot”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2022, no. 4, pp. 164–174. (In Russ.)
- Levchenko N. I. Krug znakomykh F. M. Dostoevskogo v semipalatinskii period zhizni [The circle of acquaintances of F. M. Dostoevsky during the Semipalatinsk period of his life]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniia*, vol. 11. Saint Petersburg, 1994. Pp. 235–246. (In Russ.)
- Lotman Iu. M. *Roman A. S. Pushkina “Evgenii Onegin”*. *Kommentarii* [A. S. Pushkin's novel “Eugene Onegin”. Comments]: posobie dlia uchitel'ia. Leningrad, 1983. 416 p. (In Russ.)
- Myakinchenko M. A. A. P. Karepin — plemiannik F. M. Dostoevskogo i geroi ego romanov [A. P. Karepin — nephew of F. M. Dostoevsky and hero of his novels]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 156–160. (In Russ.)
- Nakamura K. *Slovar' personazhei proizvedenii F. M. Dostoevskogo* [Dictionary of characters in the works of F. M. Dostoevsky], transl. from Jap. A. N. Meshcheriakov. St. Petersburg, 2011. 400 p. (In Russ.)
- Nasedkin N. N. *Dostoevskii*: encyclopedy. 2nd ed. Moscow, 2008. (Ser. “Entsiklopediia velikikh pisatelei”). 800 p. (In Russ.)
- Nazirov R. G. O prototipakh nekotorykh personazhei Dostoevskogo [About the prototypes of some of Dostoevsky's characters]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 1. Leningrad, 1974. Pp. 202–219. (In Russ.)
- Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy F. M. Dostoevskogo* [Creative principles of F. M. Dostoevsky], pod red. prof. L. G. Baraga. Saratov, 1982. 160 p. (In Russ.)
- Nazirov R. G. *Neizdannye trudy o romane “Prestuplenie i nakazanie”* [Unpublished works on the novel “Crime and Punishment”]. Ufa, 2017. 120 p. (In Russ.)
- Nikitin T. N. M. N. Katkov kak vozmozhnyi prototip Stavrogina [M. N. Katkov as a possible prototype of Stavrogin]. *Dostoevskii i sovremennost'*, 2016, vol. 30, no. 30, pp. 119–131. (In Russ.)
- Nikitin T. N. K voprosu o vozmozhnom prototipe gubernatora fon Lembke v romane “Besy” [On the question of the possible prototype of Governor von Lembke in the novel “Possessed”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 2009, no. 26, pp. 186–193. (In Russ.)
- Nikitin T. N. K voprosu o real'nykh prototipakh nekotorykh geroev romanov “Prestuplenie i nakazanie” i “Besy” [On the issue of real prototypes of some of the heroes of the novels “Crime and Punishment” and “Possessed”]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 19. Saint Petersburg, 2010. Pp. 169–181. (In Russ.)

- Prototip: slovarnaia stat'ya [Prototype: dictionary article]. In: *Literurnaia entsiklopediia terminov i poniatii*, ed. A. N. Nikoliukin. Moscow, 2001. Col. 828–829. (In Russ.)
- Prototip: slovarnaia stat'ia [Prototype: dictionary article]. In: *Slovar' literaturovedcheskikh terminov*, ed.-comp. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow, 1974. Pp. 299–300. (In Russ.)
- Saisu Naokhito. Obrazy dvukh Tikhonov v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i russkii sviatoi Tikhon Zadonskii [Images of two Tikhons in the works of F. M. Dostoevsky and the Russian saint Tikhon of Zadonsk]. *Libri Magistri*, 2015, no. 1, pp. 84–94. (In Russ.)
- Saraskina L. I. *Dostoevskii*. Moscow, 2011. (Ser. “Zhizn' zamechatel'nykh liudei”; iss. 1320). 825 p. (In Russ.)
- Sarukhanian E. P. *Dostoevskii v Peterburge* [Dostoevsky in Saint Petersburg]. Leningrad, 1972. 278 p. (In Russ.)
- Semenov-Tian-Shanskii P. P. Iz “Memuarov” [Of “Memoirs”]. In: *F. M. Dostoevskii v vospominaniiaakh sovremennikov*: in 2 vols., vol. 1. Moscow, 1990. Pp. 291–311. (In Russ.)
- Stepanian K. A. Biografiia avtora kak istochnik kommentariia k romanu F. M. Dostoevskogo “Brat'ia Karamazovy” [The author's biography as a source of commentary on F. M. Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 2018, no. 3, pp. 119–142. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. Dostoevskii i drugie [Dostoevsky and others]. *Russkaia literatura*, 2003, no. 1, pp. 254–269. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. Byl li zaklyuchennyi Omskogo ostroga Pavel Aristov prototipom Arkadiia Ivanovicha Svidrigailova? [Was the prisoner of the Omsk prison Pavel Aristov the prototype of Arkady Ivanovich Svidrigailov?]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2017, vol. 4, no. 4, pp. 48–56. (In Russ.)
- Toropova V. A. Sem'ia Marmeladovykh i lichnaia zhizn' Dostoevskogo (iz opyta izuchenii i prepodavaniia russkoi literatury v shkole) [The Marmeladov family and Dostoevsky's private life (from the experience of studying and teaching Russian literature at school)]. In: *Problemy Mariiskoi i sravnitel'noi filologii*: sbornik trudov konferentsii. Ioshkar-Ola, 2018. Pp. 376–379. (In Russ.)
- Troyat A. *Fedor Dostoevskii*, iss. 4. St. Petersburg, 2015. (Ser. “Velikie rossiiane”). 383 p. (In Russ.)
- Trukhan E. D. *Epistoliarnoe nasledie F. M. Dostoevskogo 1855–1857 godov* [Epistolary heritage of F. M. Dostoevsky 1855–1857]: monography. Novokuznetsk — Krasnoiarsk, 2021. 220 p. (In Russ.)
- Vetlovskaiia V. E. Literaturnye i real'nye prototipy geroev Dostoevskogo (“meshchalin v khalate” v “Prestuplenii i nakazanii”) [Literation and real prototypes of Dostoevsky's heroes (“the bourgeois in a dressing gown” in “Crime and Punishment”)]. *Russkaia literatura*, 2008, no. 1, pp. 194–205. (In Russ.)
- Viktorovich V. A. “Byli by brat'ia...”: M. M. Dostoevskiy kak prototip Razumikhina [“If there were brothers...”: M. M. Dostoevsky as a prototype of Razumikhin]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 22. Saint Petersburg, 2019. Pp. 41–55. (In Russ.)

- Vrangel' A. E. Vospominaniia o F. M. Dostoevskom v Sibiri. 1854–1857 [Memoirs about F. M. Dostoevsky in Siberia. 1854–1857]. In: *Dve liubvi F. M. Dostoevskogo*. Saint Petersburg, 1992. Pp. 31–155. (In Russ.)
- Zapis' no. 22 ot 5 avgusta 1855 goda o smerti Korchemnogo zasedatel'ia kollezhskogo sekretaria Aleksandra Ivanovicha Isaeva. Metricheskaia kniga o rozhdenii, brake, smerti iz Kuznetskogo dukhovnogo pravleniia Grado-Kuznetskoy Odigitrievskoi tserkvi (Kemerovskaya oblast'). Part 3. "Ob umershikh". 1855 [Record no. 22 of August 5, 1855 on the death of *Korchemny* chairman of the college secretary Aleksandr Ivanovich Isaev. Birth certificate on birthes, marriages, deaths from the Kuznetsk Spiritual direction of Grado-Kuznetsk Odigitrievsky church (Kemerovo region). Part 3. "About the dead". 1855]. *GANO*, f. D-156, op. 1, d. 5056, l. 146 ob. — 147. (In Russ.)